

Многоплановость произведений Достоевского иная. Они кажутся узкими в своих пространственных границах: сравнительно небольшой круг действующих лиц, сравнительно мало происходит событий, далеко не каждое из этих лиц и событий обрисовано с исчерпывающей полнотой. Многоплановость произведений Достоевского возникает не за счет, вернее, не столько за счет расширения пространства, сколько внутри узких пространственных границ, благодаря литературным (и не только литературным) параллелям, так или иначе автором здесь указанным. Эта многоплановость идет не вширь, но как бы вглубь, и выявление новых граней, смысловых оттенков в освещении одних и тех же лиц, одних и тех же событий и деталей рассказа здесь как бы замещает пространственную устремленность многопланового повествования другого рода.

Введение древнерусского или фольклорного материала служит в принципе той же цели, что и цитаты, а также упоминания о Шиллере, или Бальзаке, или Гете. Оно назначено указать ту или иную параллель, а следовательно, ввести определенные ассоциации, осветить события и лица новым светом, дать новый план рассказа. Тут важно подчеркнуть именно множество параллелей, множество планов. Каждая отдельная параллель и каждый отдельный план есть лишь звено художественной мысли, и только все они вместе могут дать приблизительное представление об авторском осмыслении явления в целом. Вот почему, кстати сказать, произведения Достоевского нельзя рассматривать как аллегории (хотя некоторые историки литературы и критики, особенно те, которые по времени близки Достоевскому, склонны были это делать). События и лица конкретного плана романов Достоевского не имеют прямой и однозначной соотнесенности — только с одним рядом идей и представлений (а именно это характерно для аллегории). Как правило, эти события и лица благодаря литературным параллелям находятся во взаимодействии одновременно с несколькими идейными рядами.

Мне представляется невозможным истолкование произведений Достоевского без учета таких литературных и фольклорных параллелей. Рамки этой статьи не позволяют, однако, привести их с более или менее удовлетворительной полнотой.² Я останавлиюсь на немногом: на некоторых мотивах древнерусских апокрифов, имеющих отношение к «Братьям Карамазовым», прежде всего к главам «Бунт» и «Великий инквизитор» (книга пятая «Pro и contra»).

Напомню, что рассуждение Ивана в главе «Бунт» заканчивается словами о том, что невозможно возводить «здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей» на мучениях и крови хотя бы одного «маленького замученного», хотя бы одного ребенка (9, 308).³ Алеша, слушающий Ивана, говорит ему о Христе, который сам отдал «неповинную кровь свою за всех и за все», «а на нем-то (т. е. на Христе, — В. В.) и созиждается здание, и это ему воскликнут: „Прав ты, господи, ибо открылись пути твои“» (9, 308). В ответ на эти слова Алеши Иван и рассказывает брату свою поэму «Великий инквизитор», начиная ее «литературным предисловием»: «Ведь вот и тут без предисловия невозможно, то

² Мне уже приходилось дважды касаться этой темы, см.: В. Е. Ветловская. 1) Символика чисел в «Братьях Карамазовых». — ТОДРЛ, т. XXVI, Л., 1971, стр. 139—150; 2) Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека божия и духовный стих о нем). — В кн.: Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство. Сборник статей. М., 1971, стр. 325—354.

³ Все ссылки на роман «Братья Карамазовы» даются по изданию: Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 10 томах, тт. 9, 10. Гос. изд. худож. литературы, М., 1958 (курсивом обозначен номер тома, прямым — страница).